

«Богдан Хмельницкий» (Отступление второе)

Празднование юбилея воссоединения двух славянских народов сопровождалось гастрольями российских театров в Украине и украинских в России. В мае в Москву приехал Киевский театр оперы и балета имени Тараса Шевченко. В числе других постановок привезли оперу композитора Константина Данькевича «Богдан Хмельницкий». Ее давали в Большом театре 10 мая 1954 года, и отец не мог отказать себе в удовольствии сходить на спектакль, тем более что одну из главных ролей в опере исполнял любимый отцом прославленный киевский бас Борис Романович Гмыря.

В конце войны отец спас Гмырю от тюрьмы. Певец оказался у немцев, то ли не смог летом 1941 года выбраться из окруженного немцами Киева, то ли остался по доброй воле. Как бы то ни было, но Гмыря пел в «немецкой» Киевской опере. В 1943 году, когда наступали советские войска, он снова не двинулся с места. После освобождения Украины Гмыря оказался в руках армейской контрразведки. Его решили судить как изменника. Отец попытался урезонить дознавателей: это не Гмыря перешел к немцам, а наша Красная Армия, отступая, оставила его вместе с миллионами других под немцами. Да, он пел в оккупированном Киеве, но не воевал против нас. Аргументы отца не помогли, и он пожаловался Сталину. Тот приказал оставить певца в покое. Гмыря вернулся в Киевскую оперу, получил звание народного артиста.

В театры отец ходил обычно или с нами, с семьей, или официально, с другими членами Президиума ЦК, тогда появлялась информация в газетах. На сей раз члены Президиума сидели в левой боковой правительственной ложе, а мы разместились в партере.

Подчеркнуто официальное посещение оперы «Богдан Хмельницкий» высшим руководством страны имело и политическую окраску. Совсем недавно вокруг нее разразился скандал. В 1951 году в Москве с такой же помпой проходила декада украинского искусства, в театрах и концертных залах выступали лучшие киевские, и не только киевские, артисты. Кульминацией декады должна была стать эта злосчастная опера «Богдан Хмельницкий». Слушать ее в Большой театр приехал сам Сталин. Кульминации не получилось, опера Данькевича Сталину не понравилась, как не понравилась много раньше и опера Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». К тому же, в «Богдане Хмельницком» обнаружились «политические недосмотры». На следующий день «Правда» обвинила Данькевича в музыкальном формализме и политической беспринципности. Прочитав статью, я «подъехал» к отцу с расспросами, но он угрюмо промолчал. Я продолжал допытываться, что такое формализм. Отец не выдержал и буркнул: «Не мешай».

Либретто к опере Данькевича написали старые знакомые отца и любимцы Сталина украинские писатели Александр Корнейчук и его жена Ванда Василевская. По итогам декады они рассчитывали получить очередную Сталинскую премию, а тут такой конфуз. Корнейчук кинулся к отцу, но он «отшил» драматурга. Посчитал слишком опасным препираться со Сталиным из-за оперы. Оперу приказали переделать, Корнейчук с Василевской перекраивали либретто, Данькевич переписывал музыку. В 1954 году в Большой театр привезли исправленный вариант. Певцы пели прекрасно, но сама музыка на меня особого впечатления не произвела. Отец, правда, отозвался об опере с похвалой. Не знаю, искренне или по соображениям политическим.

Декада украинского искусства в Москве вскоре закончилась, а борьба вокруг оперы «Богдан Хмельницкий» только разворачивалась. И Данькевич, и Василевская с Корнейчуком мечтали о полной реабилитации, снятии всех претензий к первой редакции оперы, что означало признание неправоты самого Сталина.

До 1956 года они не предпринимали активных шагов. После XX съезда времена изменились, и они надели на отца, убеждая его, что пришло время исправить сталинские ошибки. Отец не возражал, попросил подготовить все, что требуется. Пока готовились материалы, отцу стало не до «Богдана Хмельницкого», разгорелись бурные события в Польше, в Венгрии, в Египте.

В начале 1958 года Корнейчук с Василевской вновь обратились к отцу. Теперь все прошло гладко. Проект Постановления о реабилитации оперы «Богдан Хмельницкий» писали в Союзе композиторов и, конечно, пристегнули к Данькевичу других опальных композиторов. 28 мая 1958 года отец подписал Постановление реабилитировавшее раскритикованных в разное время – Д. Шостаковича за оперу «Леди Макбет Мценского уезда», грузинского композитора Вано Мурадели за неправильную оперу «Великая дружба», Г. Жуковского за оперу «От всего сердца», украинского композитора К. Данькевича за «Богдана Хмельницкого».

В газетах Постановление появилось 10 июня. В нем говорилось, что «в опере Вано Мурадели "Великая дружба" имелись недостатки, но они не давали оснований объявить ее примером формализма в музыке. Талантливые композиторы товарищи Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, В. Шебалин, Г. Попов, Н. Мяковский и другие были огульно названы представителями антинародного формалистического искусства... Субъективный подход И. В. Сталина нашел свое отражение и в статьях "Правды" за 1951 год с односторонней и тенденциозной критикой К. Данькевича "Богдан Хмельницкий" и Г. Жуковского "От всего сердца". Неверно обвинение Данькевича в беспринципности». Все происшедшее объяснялось субъективным подходом Сталина к оценке музыкальных произведений.

Сталин считал себя в музыке экспертом, и не из последних.

Помню, после смерти Сталина, отец взял всю семью на экскурсию на его ближнюю дачу, в Волынском, за Поклонной горой. (Там тогда собирались устроить музей Сталина. Потом передумали и на даче Сталина организовали поликлинику ЦК КПСС.) В числе других экспонатов будущего музея выставили патефонные пластинки. На одной из них, с записью хора Александрова, Сталин раздраженно написал: «На два такта шибче». Мне запомнилось это «шибче». Так и с Шостаковичем: Сталин посчитал, что он пишет «сумбур вместо музыки», что оркестр не звучит, а «крякает, ухает, пыхтит, задыхается» – и ничего не попишешь. (Редакционная, без подписи, статья «Сумбур вместо музыки. (Об опере «Леди Макбет Мценского уезда») была опубликована в газете «Правда» от 28 января 1936 г.)

Несмотря на подпись отца под Постановлением процесс реабилитации растянулся на годы. Больше всех досталось опере Шостаковича «Леди Макбет Мценского узда». Еще целых пять лет что-то «увязывали», что-то согласовывали. Наконец все утряслось, 8 января 1963 года, отец со всеми чадами пошел на премьеру оперы «Катерина Измайлова», так теперь называлась «Леди Макбет» в Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Стыдно сказать, но мне музыка показалась немелодично-шумной и в чем-то сумбурной.